

Священник Григорий Дьяченко

ИЗ ОБЛАСТИ ТАИНСТВЕННОГО
Простая речь о бытии и свойствах

протоиерей Григорий Дьяченко

**Из области таинственного.
Простая речь о бытии и свойствах**

Православное издательство "Сатись"

2009

Дьяченко п.

Из области таинственного. Простая речь о бытии и свойствах /
п. Дьяченко — Православное издательство "Сатись", 2009

ISBN 978-5-7868-0032-7

Изучение душевной жизни человека, наблюдение таинственных явлений в области психики, может доставить человеку столь прочное и, можно сказать опытное убеждение в бытии души и ее бессмертии, что никакие сомнения неверия не могут поколебать его веры. А эта вера в бессмертие человеческого духа осмыслит всю его жизнь и наполнит ее такой радостью, которая избавит его от самых ужасных искушений жизни и губительного пессимизма...

ISBN 978-5-7868-0032-7

© Дьяченко п., 2009
© Православное издательство
"Сатись", 2009

Содержание

Души человеческой как богоподобной сущности	6
Предисловие	6
Конец ознакомительного фрагмента.	13

Священник Григорий Дьяченко

Из области таинственного.

Простая речь о бытии и свойствах

*По благословению
Митрополита Санкт-Петербургского и Ладожского ВЛАДИМИРА*

Изучение душевной жизни человека, наблюдение таинственных явлений в области психики, может доставить человеку столь прочное и, можно сказать опытное убеждение в бытии души и ее бессмертии, что никакие сомнения неверия не могут поколебать его веры. А эта вера в бессмертие человеческого духа осмыслит всю его жизнь и наполнит ее такой радостью, которая избавит его от самых ужасных искушений жизни и губительного пессимизма...

Священник Григорий Дьяченко

Души человеческой как богоподобной сущности

Часть I

Род человеческий почитает очень важным знание вещей земных и небесных; но гораздо более имеет цену знание нас самих.
Блаж. Августин.

Познай самого себя.
Сократ.

Какая польза человеку, если он приобретет весь мир, а душе своей повредит?
Мф. 16, 26.

Не видел того глаз, не слышало ухо, и не приходило то на сердце человеку, что приготовил Бог любящим Его.
1 Кр. 2, 9.

Предисловие

1. Присматриваясь к тому, на какие области знания затрачивает человек свою энергию, не щадя ни сил своих, ни средств, ни времени, дабы приобрести то или другое сведение, завоевать то или иное открытие в области науки, искусства или промышленности, мы не можем не поразиться тем явлением, что в большинстве случаев человек меньше всего старается узнать самого себя, именно свою внутреннюю, духовную природу, свою богоподобную душу, наделенную столь великими, столь разнообразными и таинственными силами и свойствами, что, казалось бы, нужно на время все

оставить, чтобы сосредоточить все внимание на себе, на изучении дивных свойств и проявлений той духовной сущности, которая есть носитель нашего духовно-чувственного существования. Если природа физическая привлекает к себе пытливым ум человека настолько, что он бывает способен посвятить всю свою жизнь исследованию каких-нибудь микроскопических насекомых, какого-либо отдела минералов или какой-либо области из царства растительного, – если мы, для пополнения своих этнографических сведений, интересуемся нравами и обычаями людей, живущих за морями и океанами, например, жителями Сандвичевых островов и глубины Африки, – если для изучения истории земли человек спускается в недра ее с ежеминутной опасностью найти себе смерть на каждом шагу своих изысканий: то не более ли способен возбудить нашу любознательность, не более ли интереса, и теоретического, и жизненно-практического, представляет для нас наш собственный внутренний мир, природа нашего таинственного духа, в изучении которой мы можем найти ключ к разрешению высших тайн физической природы и собственного существования и жизни?

Из глубокой древности давно раздается голос философа: «Познай самого себя»,¹ «Возвратись домой»! Великий учитель Западной церкви, блаж. Августин, в познании самого себя и своих духовных немощей видит путь к нравственному обновлению. «Род человеческий, – пишет он, – почитает очень важным знание вещей земных и небесных; но гораздо более имеет цены знание нас самих; гораздо более достоин похвалы человек, которому известна его соб-

---

¹ Надпись на дверях Дельфийского храма, сделавшаяся главным принципом философии Сократа.

ственная немощь, чем тот, кто испытывает и познает пути звезд, а не ведает пути к спасению. Мудрец предпочитает знание знанию, он лучше хочет знать свое бессилие, чем знать ограждения мира, основания земли и вершины неба, называя это знание *произволением*. Познай, что ты! Познай себя бессильным, познай грешником, познай, что ты запятнан. В твоём исповедании откроется пятно сердца твоего; сознание грехов заставит искать врача.

Но кто этот врач? Господь Иисус Христос. Вот высшая цель наша: мы должны почаще заглядывать в собственное сердце для того, чтобы через познание себя самих убеждаться в нашей немощи и необходимости помощи Бога, Который есть единственный Источник жизни, просвещения, блаженства.

Душа наша имеет разум, где есть образ Божий, где обитает Христос. Низойди же в глубину своей души, и там, во внутреннем человеке, ты ободрись для уподобления Богу; в образе своём познаешь виновника его. Бог при нас; Он в душе нашей, и потому истинное познание души неразрывно связано с познанием Бога».

Жестоко страдают люди в повседневной жизни от преступного незнания законов и свойств душевной жизни человека. В семье, на службе, в судах и других сферах частной и общественной жизни мы пожинаем горькие плоды незнания свойств духа человеческого. Но особенно губительно отражается такое незнание при воспитании юношества. Самая величайшая из наук – наука воспитания человеческих существ и достойных представителей рода человеческого, не может иметь надлежащей правильности и разумности, если в основу ее не положено широкого и верного знания свойств душевной жизни человека. Довольно указать на то, например, явление психологической жизни, в последнее время английскими психологами твердо обоснованное и изученное, по которому ни одно впечатление, полученное человеком в самом раннем возрасте, например, даже в первые три месяца младенчества, не пропадает бесследно и ложится как материал для склада духовно-нравственной последующей жизни и выработки личности человека, чтобы при воспитании детей поставить твердое правило – закон: оберегать их зрение, слух, все чувства от всего недоброкачественного в духовном отношении.

Познав же, насколько возможно, душу свою разумную, духовную, свободную и бессмертную, человек с благоговением и радостью заметит, что она служит доказательством как неизмеримо высшей перед всеми другими существами на земле его природы, так и существование духовно-нравственного мира, глава которого есть Бог, то Верховное Существо – духовное, премудрое, всеблагое, свободное, личное и всемогущее, Которое создало весь духовно-чувственный мир и уготовило загробную участь для бессмертной души человека, назначенной к вечному блаженству после телесной его смерти.

Но этого мало: изучение душевной жизни человека, наблюдение таинственных явлений в области психизма, может доставить человеку столь прочное и, можно сказать, опытное убеждение в бытии души и ее бессмертии, что никакие сомнения неверия не могут поколебать его веры. А эта вера в бессмертие человеческого духа осмыслит всю его жизнь и наполнит ее такой радостью, которая избавит его от самых ужасных искушений жизни и губительного пессимизма, часто приводящего неверующих к безотрадному разочарованию жизнью и самоубийству. Послушаем, что говорит великий писатель Достоевский: «Статья моя «Приговор» касается основной и самой высшей идеи человеческого бытия, необходимости и неизбежности убеждения в бессмертии души человеческой... Без веры в свою душу и ее бессмертие, бытие человека неестественно и невыносимо... На мой взгляд, в весьма уже, в слишком уже большой части интеллигентного слоя русского... все более и более и с чрезвычайной прогрессивной быстротой укореняется совершенное неверие в свою душу и ее бессмертие... Без высшей идеи не может существовать ни человек, ни нация. А высшая идея на земле лишь одна и именно – идея о бессмертии души человеческой, ибо все остальные высшие идеи жизни, которыми может быть жив человек, лишь из нее вытекают»...

«Любовь к человечеству, – продолжает он несколько далее, – даже совсем немислима, непонятна и совсем невозможна без совместной веры в бессмертие души человеческой... Самоубийство при потере идеи о бессмертии становится совершенной и неизбежной даже необходимостью для всякого человека, чуть-чуть поднявшегося в своем развитии над скотами. Напротив, бессмертие, обещающая вечную жизнь, тем крепче связывает человека с землей. Тут, казалось бы, даже противоречие: если жизни так много, т. е., кроме земной, и бессмертная, то для чего бы так дорожить земной-то жизнью? А выходит именно напротив, ибо только с верой в свое бессмертие человек постигает всю разумную цель свою на земле... Словом, идея о бессмертии, это – сама жизнь, живая жизнь, ее окончательная формула и главный источник истины и правильного сознания для человечества» («Дневник писателя», 1876 г., стр. 319 и далее).

Потом: вера в бытие души человека, в его посмертное существование, в Страшный суд Христов и вечную жизнь с ее невыразимым блаженством для праведных, и жестокими муками для нераскаянных грешников, такая вера безусловно необходима для поднятия упавших в наше печальное время нравственных идеалов, – время, в которое многие гоняются лишь за чувственными удовольствиями, не разбирая средств для удовлетворения им, причем злоречие, осуждение, шантаж, клевета, воровство, обман всякого рода, предательство и даже убийство допускаются весьма часто.

Далее, только там, где нет твердой веры в Бога и духовный мир, нет горячей любви, широкого знания, – только там может родиться и найти себе последователей такое вопиюще дикое учение, как анархизм. Нечего доказывать, что, если бы человечество больше работало в направлении познания сущности духа, выиграло бы дело братства и любви... Вероятно, гонители всяких «отсталых» мистических наук, под которыми они разумеют учение о душе, о цели жизни, о сомнамбулизме, телепатии, гипнотизме, вещих снах и т. д., очень удивятся, если мы скажем, что они-то, эти отрицатели всего таинственного и духовного, служат тормозом для человеческой мысли и духа... Человечество, если оно хочет избавиться от таких ужасных явлений, как анархизм, как разложение семейной жизни, как страшная порча нравов, как губительное пьянство, как издевательство над нравственными идеалами, как оскудение веры, любви и надежды христианской, как мрачный ужасный пессимизм наших дней, – должно всеми путями, всеми средствами стремиться к гармоническому духовному прогрессу. Прогресс же этот будет неполон без трудов психолого-богословов.

Уважать человека можно лишь веря в его духовно-нравственную природу. Если эта вера, подкрепленная фактами, будет тверда, то сами собой сделаются невозможными убийство, насилие, племенная или сословная вражда и т. д... У некоторых из нас не только нет веры в духовную природу, но и нет терпимости к людям, пытающимся познать духовную природу. Человечество как бы боится подойти к той области, которую один писатель (Оуэн) назвал «спорной между двумя мирами». Не может быть света, когда господствуют материалистические принципы и стремления; не может быть гуманизма, братства, когда о душе думают сколько же, сколько о прошлогоднем снеге... Нельзя жить только земным; только материальным. Стремление забыть о том, что кроме золота, пьянства, разврата, мишуры, пустых забав есть еще иной мир, более высокий и совершенный, есть стремление к мраку, к застою, к смерти. Нельзя дрожать только за одно свое материальное благосостояние: это – эгоистическая, жалкая, животная дрожь.

Надобно дрожать за человеческое достоинство, которое теперь, именно теперь, в конце века, поругано и оскорблено дикими материалистами, фарисеями, скотоподобными эпикурейцами, человеконенавистниками. Надобно дрожать за чистоту духа, которая омрачена мало-душием, предательством, эгоизмом, светобоязнью, торжеством грязных, темных инстинктов. Анархизм отвратителен, но не потому только, что он стремится разрушить кров, отнять наше достояние, истребить огнем и мечом человеческую жизнь и все то, что служит ей, а потому, что

он является олицетворением крайнего преобладания материи над духом, оборотной стороной истинного прогресса, исчадием всего дурного, что таится в человеческой природе – последним словом материализма и неверия в духовную природу. Только этот мир, только тело, только земля признаются им. Отсюда – насилие, убийство, разрушение...

Тот, кто потерял внутреннюю уверенность в своем вечном назначении, веру в вечную жизнь, будь ли то отдельная личность, целый народ или известная эпоха, у того вырван с корнем источник всякой воодушевляющей силы, способности к самопожертвованию, к цивилизации. Он делается тем, чем и должен тогда быть, эгоистическим, чувственным существом, погруженным единственно в заботы самосохранения. Его культура, его просвещение имеют тогда целью лишь служить на помощь и украшение чувственной жизни или, по крайней мере, устранять то, что может вредить ей.

Старинное изречение, давно сделавшееся тривиальным: «memento mori», превращается в новое, более серьезное – «memento vivere», т. е.: помни, что ты наверное будешь жить, но твое будущее состояние прямо определяется общим результатом здешней жизни, каков бы он ни был – радостен для тебя или нет. Этот вывод в области психизма немаловажен, особенно в такое время, которое издавна привыкло вычеркивать заботу о будущем мире из списка своих повседневных интересов... Тот, кто свободно, научным путем дошел до положительных убеждений относительно этой высшей проблемы жизни, не имеет права молчать в таком важном вопросе и ввиду настоятельной потребности его разрешения.

Если по прочтении настоящей книги одни читатели укрепят и оживят свою веру в бытие души и духовного мира вообще, другие от равнодушия, маловерия или неверия придут к признанию истины существования этого мира и пробудятся от греховного и опасного духовного сна, то составитель, прося у тех и других за себя, многогрешного, святых молитв, будет несказанно обрадован радостью духовной и труд свой сочтет за достигнувший своей цели.

Здесь еще раз мы должны повторить, что нет в мире другого знания, более необходимого и более важного, чем знание законов жизни и свойств души. От незнания основ душевной жизни человека, от забвения о свойствах души и ее высоком назначении, от отрицания бытия души можно всецело извратить и испортить свою временную и погубить вечную жизнь. Слово Божие учит нас, что нет большей заботы в мире для человека, как забота о вечном спасении души. Господь наш Иисус Христос сказал, что если бы человек приобрел и весь мир со всеми его сокровищами, но погубил бы душу свою, то он не сделал бы для себя никакого приобретения, никакой пользы. Так драгоценна, по суду Божью, одна человеческая душа! Как же не стараться узнать ее богоподобную природу, ее свойства и способности, ее потребности, ее назначение? Некогда, в вечности, мы глубоко, но бесплодно будем жалеть, что были невнимательны в продолжении временной жизни к внутренней своей природе. Здесь мы приведем прекрасные слова одного ученого, предостерегающего от такого позднего сожаления.

«Слово, призывающее к самопознанию, – говорит он, – равносильно с зовом, которым дитя, бегающее по цветистому лугу и гонящееся за мотыльком, призывают домой.

– Нет, рано еще домой! – отвечает дитя на призывный голос и убегает все далее по роскошным коврам весны. Но вот весну сменяет лето, за летом следует осень, зима; проходит год, другой; минули десятилетия, – и дитя в приятном самозабвении, переходя от одних забот к другим, достигает уже зрелого возраста.

Воротиться бы домой! Но нет, прекрасен свет со всеми его обаяниями, надеждами и удовольствиями! Куда ни посмотри, везде, вблизи и вдали, как будто волшебные, рисуются картины блаженства и манят к наслаждению.

Не уходит человек с площади, пока стоит прекрасная погода, пока ясно светит солнце и до ночного мрака еще далеко. Но вот земной светильник меркнет, тьма скрывает из глаз все формы вещей, доставляющих ему удовольствие, сырость вечернего воздуха начинает проникать в его тело, – и он спешит под кров своей хижины. Увы, уже поздно! В ней нет ни света,

ни теплоты, в ней мрак ужаснее того, от которого он ушел, и холод в ней – холод могильный. «Почему было, – думает он, – не возвратиться мне сюда ранее, чтобы осветить и обогреть свою хижину? Теперь я не страшился бы мрачной и холодной ночи и уснул бы спокойно, с надеждой, что завтра встану здоров и весел».

Такова пора смерти!

И если в продолжении жизни мы, по невнимательности ко внутренней своей природе, не прояснили для себя тех благотворных ее начал, которые не знают смерти и не подлежат ее законам, то это обращение наше бесконечно ужаснее, нежели шествие преступника на смертную казнь» (см. статью проф. Карпова «О самопознании», при сочин. Дж. Мессона о том же, стр. 199–200).

Филарет, митрополит Московский, этот бесспорно гениальный духовный писатель, признавал в человеке способность проникновения в будущее в различной степени. Раз, спрошенный Антонием (наместником Троице-Сергиевой лавры) о зрении без пространства, он отказался рассуждать об этом: «О зрении без пространства рассуждать, вероятно, я и не умею, и не имею свободы разговаривать о сем»².

Но в другой раз вот что он пишет наместнику, весьма, впрочем, секретно: «О Петровой мало я вам говорил потому, что вам ее состояние не казалось хорошим, а мне казалось хорошим, хотя и не совершенным, и я не хотел опираться на свое мнение; но я знал о ней немало примечательного; с ней бывало такое состояние, что она видела в духовном мире, сохраняя сознание видимого чувственного мира, и тогда скрывала видимое в духовном мире, но иногда теряла при сем сознание видимого мира, и ее необыкновенное состояние могло быть примечено. Для сего старались удалять ее от посторонних, но одна христианская подруга ее имела к ней всегда беспрепятственный вход. Таким образом, однажды, вошедши к ней, услышала, что она уговаривает султана не начинать войны с Россией. Это было гораздо ранее посольства князя Меншикова, когда никто не думал о войне с Турцией. Года за два или за три до кончины покойного императора она говорила, что жизнь его не продолжится, и что врач не без вины будет. О видении прей. Сергия в ризнице она мне написала записку, сказав, что видела во сне, как обыкновенно выражалась, когда открывала нечто из своих видений... В первое время болезни моей матушки она прислала мне просфору, принесенную за ее здоровье с запиской, в которой сказала, что это последняя из сорока, ежедневно приносимых, и что это ей велено было сделать. Мне приметно было, что матушка проходила в это время некоторое душевное состояние, которому особенно приличествовала молитвенная помощь, которое потом переменялось на лучшее. Несомненно верное слово: пришедшу слову познают пророка (Иер. 23, 9); но при некоторых признаках, и прежде исполнения, оставлять без внимания предостерегающее слово едва ли благоразумно. Если слово предостережения примем, как посланное, и употребим осторожность, то, хотя бы она оказалась ненужной, греха и вреда не будет; а если оставим предостережение без внимания, и оно окажется справедливым, будет и вина и вред».

Интересуясь вопросом о предсказании, наместник еще раз вызвал Филарета на рассуждение об этом даре. Вот что митрополит отвечал ему: «Вы предлагаете мне вопрос, на который отвечает не дело моей малой веры: есть ли ныне нужда в пророчествах, хотя и частных? И люди великой меры возьмутся ли отвечать на сие? Господь, правящий миром, ведает, нужно ли Ему и ныне сие орудие, которое Он употреблял нередко прежде. Пророк Амос (III гл.) свидетельствует: «Не сотворит Господь Бог дела, аще не откроет наказания Своего рабам Своим пророкам». Пророк представляется как бы обычным для Господа, чтобы о всяком деле, которое он творит, открывать рабам своим пророкам. Того, чтобы Господь прекратил этот обычай, в слове Божиим, сколько знаю, не видно. Пророчества особенно назначены были, чтобы указать пришествие Христово; они исполнились во время земной жизни Христовой, но не пре-

---

² 4 См. его письма к Антонию, № 127.

кратились. Мы могли бы спросить: есть ли нужда предсказывать апостолу Павлу, что его свяжут в Иерусалиме, куда он на это идет, хотя бы его удерживали; однако Агав предсказал это. Скажете ли, что это нужно было для того, чтобы к назиданию явить апостольскую твердость и готовность на страдание за истину? Вот вы и признали, что есть нужда в пророчестве частном. Антоний Великий не предсказал ли Афанасию Великому конец Юлиана Отступника? Феодор Освященный не предсказал ли ученикам своим мрак арианства в церкви, и потом обильный свет Православия? Где же этому предел? Отец Серафим не предсказал ли многое многим? Если Господь это устроит: то должно думать, что это на что-нибудь надобно».

«Всякому, подвизающемуся о своем спасении, можно и должно сказать: несть ти потреба тайных (Сир. 3, 22): не ищи знать сокровенное или будущее. Для спасения нужно веровать, исполнять заповеди, очищать сердце, а не любопытствовать; желать знать сокровенное опасно, а желать открывать оное еще опаснее. Но все это не препятствует тому, чтобы Провидение Божие открывало тайное и обращало сие для своих благих целей, даже и при несовершенстве орудия, как можно примечать на опыте. Рассудите это и скажите мне лучшее».³⁵

Конечно, только этим воззрением Филарета, что «провидение Божье открывает тайное и обращает сие для своих благих целей, даже и при несовершенстве орудия», можно объяснить ту внимательность, какую показал он, судя по письму к Антонию и к юродивому Филиппу – позднее Филарету же,⁴⁶ и к Ивану Яковлевичу Корейше, о наставлениях которого он не решался произнести своего суда;⁵⁷ и к есаулу Золотареву, прося, чтобы Антоний был к нему милостив и способствовал ему в духовном деле;⁶⁸ и к Марфе Герасимовне (Хотьковской), о которой он думал, что «очень может быть, что самоумерщвление и очищение образовали ей орган зрения лучше искусственных орудий дальновидения»;⁷⁹ и к о. Петру, о котором Филарет нарочито спрашивал преосвященного Евгения Ярославского⁸¹⁰ (см. ст.: «Митрополит Филарет в его отношениях к миру таинственных явлений», помещенную в «Душеп. чт.» 1883 г., ч. II, стр. 21–23; 25–27).

И другие русские ученые и писатели не считали недостойным себя заниматься так называемыми мистическими вопросами. Так, покойный известный наш философ Ф. А. Голубинский заявлял еще в 1850 годах со своей кафедры в Московской Духовной Академии о существенной важности для психологии подобных же исследований, какие ставит себе целью современный оккультизм.

Вот что, между прочим, он говорил по этому поводу в одной своей лекции по умозрительному богословию:⁹¹¹

«Общий закон для всех способностей наших – усовершенствование, потребность расширяться, возрастать или увеличиваться в силе без конца. А какова жизнь, таково и знание о ней; по мере раскрытия жизни расширяется и самосознание. Так из истории психологии видно, что младенцествующие народы первоначально имели очень скудные понятия о душевных силах человека; в языке не было слов для выражения и определения многих действий и состояний душевных; по мере же возрастания и выражения жизни через мысли и поступки, через деятельность фантазии в изящных искусствах, человек раскрывал новые и новые стороны души своей, а если и те же, то в новых проявлениях и, таким образом, время от времени, более и более познавал себя. Потому и психология, с течением времени, расширялась, и кто положит предел ее развитию? За сто, например, лет философы называли бы басней, что человек,

---

³ 5 См. письма к Антонию, № 916.

⁴ 6 Там же, № № 790, 800, 801, 859.

⁵ 7 Там же, № № 293, 408, 748.

⁶ 8 Там же, № № 75, 907.

⁷ 9 Там же, № № 365, 604.

⁸ 10 Там же, № № 1056, 1065.

⁹ 11 Лекции по умозрительному богословию проф. Ф. А. Голубинского, М. 1868.

в состоянии особенном, но естественном, может видеть отдаленное от него пространством и предчувствовать нечто будущее. Опыты сего рода были и прежде, но философы почему-то не хотели принять их во внимание, довольствуясь только общеизвестными всем, неоспоримыми проявлениями сил души человеческой. Опыты же последующего времени открыли в ней дальноречение, предвидение будущего не из света Божественного всевидения, а только в особенных состояниях естественных, в каких бывают ясновидящие. Так человек более и более узнает самого себя в своих существенных силах. Но можно ли сказать, что для него полное знание себя закончится когда-нибудь, положим, при конце мира, когда все наблюдения над действиями души человеческой будут собраны в одно? Можно ли сказать, чтобы и тогда, этой совокупностью наблюдений, можно было измерить и ограничить будущее раскрытие самосознания человеческого?»

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.